

ЖЕНСКИЙ ТАНЕЦ ПО-МУЖСКИ

КОМЕДИЯ С ПЕРЕОДЕВАНИЯМИ

Нас посетил
«Балет Трокадеро де Монте-Карло»

С этими переодеваниями и впрямь комедия. За последнее время мы успели немного привыкнуть к мужчинам, танцующим в пачках и на пуантах, — в декабре на сцене Театра эстрады выступал мужской балет Санкт-Петербурга, а недавно в Театре имени Вахтангова прошли гастроли Санкт-Петербургского мужского балета Валерия Михайловского. Увидели мы и легендарный Па де катр, и «Видение Розы», и «Сильфиду», и «Эсмеральду»... И всякий раз в голове крутился нелепый, казалось бы, абсурдный применительно к предмету искусства вопрос: зачем?

Ну — аттракцион. Ну — трюк... Но ведь и трюк-то не всегда удается. Хотя, с другой стороны, и впрямь нелегкая

это работа — мужчине танцевать на пуантах. Когда «балерина», следуя ортодоксальной хореографии (а ее соблюдение — главное условие аттракциона), должна крутить фуэте, а у нее никак, ну никак не получается, думаешь, что нельзя же в самом деле требовать от мужчины того, чего от него требовать нельзя. Тяжеловат он для того, чтобы лететь, как пух от уст Эола. Смешное рождается от самого по себе сочетания (вернее — абсолютной несочетаемости) мужского тела и пластики с присущими классическим шедеврам чисто женскими грацией и красотой. И смеешься... Только опять, опять скребется неотвязный вопрос: зачем?

Но вот Артистическое агент-

ство «Ардани» представило нам мужскую труппу «Балет Трокадеро де Монте-Карло». И оказалось, что ответ все-таки существует.

Театр, как известно, начинается с вешалки. А уж комедии с переодеваниями сам Бог велел начинаться именно с нее. Для «Троки» (так их называют в Штатах) этой самой «вешалкой» стал буклет. Здесь «переодевают» фамилии, имена, биографии, а заодно и зрительское восприятие, заранее настроивая на шутовское, пародийное представление. Долгое время в США чтобы иметь успех на балетной сцене, желательно было носить русское имя. Многие брали себе псевдонимы. «Троки» сделали тоже самое.

В труппе танцуют, скажем, Нина Енименинимимова (по сложности произнесения для иностранцев может соперничать с фамилией одной из нынешних «звезд» русского балета, кстати, тезки американской «солистки»), Карина Грудь (добавить нечего), Фифи Баркова (сбежавшая, как гласит буклет, от известного русского хореографа Олега Градовина). Да и название труппы — тоже своего рода псевдоним. Как говорится: где имя, а где наводнение? Где Монте-Карло, а где США?

Не стоит хмурить брови и подыскивать слова, чтобы излить благородное негодование, — «Троки» вовсе не высмеивают русский балет. Мы видели на пресс-конференции, за пару часов до открытия гастролей, как нешуточно тревожились перед выходом на московскую сцену те, что многие годы с успехом выступают по всему миру. (Еще был Везти в Россию балет — все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром. Есть от чего волноваться). Нет, «Троки» не высмеивают русский балет, они им восхищаются. Однако восхищение, даже преклонение не лишает их чувства юмора. Поднимаясь на пуанты, они при этом не встают на котурны и иронизируют не над классикой, а над пошлостью, нелепостями и ложной патетикой на сцене. И — над собой.

«Троки» на удивление непосредственны. Это не деланная, не жеманная, а самая что ни на есть непосредственная непосредственность, — возможно, свойство молодой нации? Кто знает... То и дело думаешь: «Дети! Ну просто дети!» Однако профессионализм у них отнюдь не детский. Часто замечаешь, как трудно (по условиям игры) персонажам — немолодым или не слишком искусным балеринам. Но усилий самих исполнителей не видно никогда.

Пот и боль остаются за кулисами. На сцене — легкость, озорство, редкая музыкальность, пластичность, к тому же незаурядные драматические дарования. Когда «балерины» (в первом отделении идет второй акт «Лебединого озера») исполняют канканистый танец маленьких лебедей, впечатление такое, будто танцуют эдакие окорочка, «ножки Буша». Сыграно это (именно сыграно) виртуозно. Один жест, один взгляд — и зал взрывается хохотом и аплодисментами.

Но вот на сцене «Умирающий лебедь», и становится не по себе: страшно, что вот-вот сорвутся на комикование, грубый шарж. Ан нет. Карина Грудь — Аллен Деннис (блистательный — без всяких шуток) заставляет только что грохочущий зал замереть, как сказали бы в старину, в сладостном восторге. За тонкой (отчего-то хочется написать «как струйка дыма»), изысканной иронией — вдруг вторым, третьим планом такой нерв, такая душевная боль, какие под силу выразить музыка, движению или молчанию — но не словам.

Кажется, Мейерхольд определял гротеск как сверхточность. Абстрактно это понять довольно трудно. А глядя на американских танцовщиков, понимаешь. В одноактном балете на музыку Карлоса Гарделя «Я хочу танцевать с тобой в кафе Соблазнов» они играют женщин так, что думаешь: вот она — Женщина. Только женщины так никогда не сыграют. Ни малейшего перегиба, нигде, ни на мгновение, и при этом — не реальность. Сверхточность. Зал следит, затаив дыхание.

Однако были и недовольные. Качали головами: техника-то, мол, не та, да и вообще — клоунада. С ними получилось прямо, как с Молчалиным: шел в комнату, попал в другую. То, что показали американцы, — другая комната, другой жанр. «У вас слишком серьезные лица, господа! — говаривал один небезызвестный барон. — Серьезное лицо — это еще не признак ума. Все глупости на свете делаются именно с этим выражением лица». Так что улыбайтесь, господа! Улыбайтесь!

Наталия
ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.